

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ СО СТАРОЙ ДЕВОЙ

СОФИЯ ВУЛ

София Вул

Пять вечеров со старой девой

<https://litres.ru/74383497>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тот вечер, когда жена уходит из дома, сорокавосемилетний мужчина случайно оказывается в квартире пожилой соседки Анны Сергеевны — остроумной «старой девы», давно научившейся никого не ждать.

За пять вечеров, проведённых за чаем и разговорами, она рассказывает ему историю любви, оборвавшейся сорок три года назад. Но неожиданно прошлое возвращается — вместе с известием о смерти любимого человека и письмами, которые так и не были отправлены.

Камерная, ироничная и светлая повесть о позднем раскаянии, несчастливом браке и праве каждого человека выбирать собственную жизнь. О том, что одиночество не всегда означает пустоту, а уход порой становится первым шагом к себе.

Содержание

Вечер первый. Лишний стул	5
Вечер второй. Жених с чужим чемоданом	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

София Вул
Пять вечеров
со старой дево́й

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

СО СТАРОЙ ДЕВО́Й

Вечер первый. Лишний стул

Впервые я увидел Анну Сергеевну в тот вечер, когда жена сообщила, что собирается от меня уйти.

Сообщила она об этом спокойно, почти буднично, стоя у кухонного окна и глядя, как октябрьский дождь перечёркивает стекло тонкими косыми линиями.

— Я больше так не могу, — сказала Лена.

Фраза была до обидного банальной. Такие слова произносятся в сотнях фильмов и тысячах кухонь, но, когда они обращены к тебе, почему-то кажется, что до сих пор никто ничего подобного не говорил.

— Как — так?

— Вот так.

Она обвела взглядом кухню, словно ответ находился среди белых шкафчиков, невымытых чашек и магнита из Турции, куда мы ездили семь лет назад и ещё были счастливы. Или думали, что были.

— Я поживу у мамы. Потом решим, что делать дальше.

— У тебя кто-то есть?

— Нет.

Она ответила слишком быстро, и я сразу понял, что действительно никого нет. Если бы был, Лена выдержала бы паузу, подготовившись к этому вопросу заранее.

Она ушла через двадцать минут. Забрала небольшой че-

модан, синее пальто, документы и зарядку от телефона. На полке осталась её любимая кружка с надписью «Королева имеет право опаздывать». Почему-то именно эта кружка убедила меня, что всё несерьёзно.

Человек, решивший уйти навсегда, не оставляет любимую кружку.

Я просидел на кухне до половины десятого, после чего в квартире погас свет.

Сначала я решил, что перегорела лампочка. Затем обнаружил, что не работает телевизор, холодильник молчит, а роутер смотрит на меня потухшими глазами. На лестничной площадке тоже было темно.

Телефон показывал восемь процентов заряда.

Я вышел в подъезд и встретил там Анну Сергеевну.

Она жила этажом ниже. Я знал её в лицо, но до того вечера мы почти не разговаривали. Иногда здоровались у лифта, иногда я придерживал перед ней дверь. Ей было лет шестьдесят пять, хотя позднее выяснилось, что семьдесят два. Она носила коротко подстриженные седые волосы, яркие шарфы и ходила с такой прямой спиной, словно всю жизнь готовилась пройти перед невидимой комиссией.

В руке она держала подсвечник с горящей свечой.

— Конец света? — спросил я.

— Нет, обычное российское коммунальное хозяйство. Конец света был бы организован лучше.

Я невольно усмехнулся.

— Вы знаете, надолго отключили?

— До полуночи. Объявление три дня висело у входа.

— Не заметил.

— Мужчины вообще редко замечают объявления. Даже если написать на двери: «Осторожно, впереди несчастливая жизнь», они всё равно войдут и только потом удивятся.

Она подняла подсвечник выше и внимательно посмотрела на меня.

— У вас неприятности?

— С чего вы взяли?

— Вы вышли из квартиры в домашних тапочках, но с ключами от машины. Значит, собирались куда-то бежать, но ещё не решили куда. Кроме того, вы небритый и несчастный. Обычно вы только небритый.

Я опустил взгляд. В правой руке действительно были зажаты автомобильные ключи.

— Жена ушла.

— Насовсем?

— Не знаю.

— Тогда это не ответ, а диагноз.

Анна Сергеевна помолчала и кивнула на лестницу.

— Спускайтесь ко мне. У меня газовая плита, свечи и пирог с яблоками. В темноте человеку вредно оставаться одному. Он начинает думать, а без привычки это опасно.

— Не хочу вас стеснять.

— Я живу одна сорок три года. Поверьте, молодой чело-

век, стеснить меня невозможно. Для этого нужно обладать хотя бы характером.

Молодым человеком меня давно никто не называл. В свои сорок восемь я уже привык к нейтральному «мужчина» и тревожному «пациент», которое употребляли врачи. Однако спорить с Анной Сергеевной было неудобно.

Её квартира оказалась совсем не такой, какой я ожидал.

Я почему-то представлял ковёр на стене, шкаф с хрусталём и телевизор, укрытый вышитой салфеткой. Но комната была просторной и светлой даже при свечах. На стенах висели акварели, вдоль окна тянулись книжные полки, а посреди гостиной стоял круглый стол с четырьмя стульями.

Один из них был завален журналами. На другом лежала коробка с нитками. Третий занимала Анна Сергеевна. Четвёртый предназначался мне.

— Чай или коньяк? — спросила она.

— Коньяк.

— Значит, всё серьёзно. Наливайте чай.

Она поставила передо мной чашку и принесла пирог. От него пахло яблоками, корицей и тем уютом, который почему-то особенно мучителен, когда собственный дом внезапно перестаёт казаться домом.

— Давно вы женаты? — спросила она.

— Двадцать три года.

— Приличный срок. За убийство меньше дают.

— Вы всегда так говорите о браке?

— Только при женатых мужчинах. Незамужним женщинам я рассказываю, что брак прекрасен. Каждый должен совершить свои ошибки самостоятельно.

— А вы были замужем?

— Нет.

Она произнесла это без смущения и без той демонстративной гордости, с которой люди иногда признаются в жизненных неудачах, пытаясь представить их личным выбором.

— Никогда?

— Представьте себе. Ни разу не удалось испортить биографию штампом в паспорте.

— Простите. Я не хотел...

— Пожалеть меня?

— Я не это имел в виду.

— Именно это. Просто вы воспитанный человек и не успели подобрать вежливые слова.

Она отрезала ещё кусок пирога, положила себе на тарелку и добавила:

— Меня жалели всю жизнь. В двадцать пять говорили: «Ничего, встретишь своего человека». В тридцать пять — «Надо было быть менее разборчивой». В сорок пять — «Хорошо, что хотя бы работа есть». В шестьдесят — «Зато никто не мешает смотреть телевизор». Будто ради телевизора стоило прожить столько лет.

— А сейчас?

— Сейчас не жалеют. Сейчас завидуют, но стараются де-

лать это незаметно.

— Чему завидуют?

— Тишине.

Я подумал о своей квартире этажом выше. Ещё час назад тишина там казалась мне страшной.

— Разве в тишине нет одиночества?

— Есть. А в браке его, по-вашему, не бывает?

Я не ответил.

Она отпила чай и посмотрела на меня поверх чашки.

— Вот вы сегодня впервые заметили, что одиноки. Но же-
на ведь не сегодня решила уйти. Она долго уходила. Может
быть, несколько лет. Просто делала это маленькими шагами,
чтобы вы не услышали.

Слова были неприятными. Настолько неприятными, что
я отложил вилку.

— Вы ничего не знаете о нас.

— Конечно. Но я знаю людей. К сожалению, они не слиш-
ком разнообразны.

— Мы нормально жили.

— «Нормально» — самое опасное слово в семейной жиз-
ни. Им обычно прикрывают всё, что давно перестало быть
хорошо.

— А что я должен был делать? Каждый день спрашивать,
счастлива ли она?

— Иногда достаточно спросить, о чём она думает.

— Я спрашивал.

— И слушали?

Я встал и подошёл к окну. Во дворе было темно. В соседнем доме свет горел, и в каждом освещённом окне шла своя жизнь: кто-то ужинал, кто-то разговаривал по телефону, кто-то гладил бельё. Люди двигались за стёклами, как актёры на маленьких сценах.

— Она сказала, что никого нет, — произнёс я.

— Это вас успокаивает?

— Не знаю.

— Напрасно. Когда женщина уходит к другому мужчине, остаётся надежда, что она ошиблась в нём. А когда уходит просто от вас, ошибку придётся искать ближе.

Мне захотелось рассердиться. Но на кого? На пожилую соседку, которая угостила меня пирогом? На Лену? На себя?

— Вы жестокая женщина, Анна Сергеевна.

— Нет. Жестокие люди лгут из любви к собственному удобству. Я всего лишь экономлю время.

— И вы никогда не жалели, что не вышли замуж?

Она взглянула на четвёртый стул, на котором сидел я.

— Почему же? Жалела. Иногда очень сильно.

Впервые за весь вечер её голос изменился. Совсем немного, но ирония исчезла.

— Был человек, за которого вы хотели выйти?

— Был человек, который хотел на мне жениться. Это не одно и то же.

— Вы его не любили?

— Любила.

— Тогда почему отказались?

Анна Сергеевна поднялась, собрала тарелки и отнесла их на кухню. Там зашумела вода. Я решил, что она не ответит.

Вернувшись, она поставила передо мной небольшую стеклянную рюмку и налила коньяк.

— Теперь можно, — сказала она. — Вы достаточно согрелись, чтобы не использовать его как лекарство.

— Так почему вы отказались?

— Потому что он был женат.

— Но собирался развестись?

— Разумеется. Женатые мужчины всегда собираются развестись. Некоторые занимаются этим всю жизнь и умирают, не закончив приготовления.

— Он любил вас?

— Наверное.

— А вы его?

— Точно.

— И всё-таки не стали ждать?

Она улыбнулась.

— Вот тут вы ошибаетесь. Я ждала. Пять вечеров.

— Всего пять?

— Иногда пять вечеров длиннее двадцати трёх лет.

В подъезде что-то щёлкнуло. Вспыхнула люстра, зажужжал холодильник, на полке ожили электронные часы.

Анна Сергеевна прищурилась от яркого света.

— Электричество дали раньше. Редкий случай, когда государство вмешалось в чужую жизнь удачно.

Я посмотрел на часы. Было без десяти одиннадцать.

— Мне, наверное, пора.

— Наверное.

У двери я остановился.

— Анна Сергеевна, а что произошло за те пять вечеров?

Она поправила ярко-красный шарф, всё ещё лежавший у неё на плечах.

— Завтра расскажу.

— Почему не сейчас?

— Потому что сегодня вы слушаете только себя. А моя история требует хотя бы двух человек.

Я вышел на лестничную площадку.

— И ещё, — окликнула она. — Не звоните жене ночью.

— Почему?

— Ночью мы звоним не тем, кого любим, а тем, от кого хотим получить обезболивающее. Дайте ей выспаться. И себе тоже.

Дома я поставил телефон на зарядку. На экране было три сообщения от Лены.

Первое: «Я добралась».

Второе: «Прости, что так получилось».

Третье: «Ты в порядке?»

Я долго смотрел на последний вопрос. Потом написал: «Да».

Ответ показался мне жалким, и я стёр его.

Написал: «Не знаю».

Стёр и это.

В конце концов положил телефон экраном вниз и впервые за двадцать три года лёг спать, не пожелав жене спокойной ночи.

За стеной работал холодильник. За окном шуршал дождь. Этажом ниже Анна Сергеевна передвигала стулья — один, второй, третий.

Четвёртый она, кажется, оставила у стола.

Для меня.

Вечер второй. Жених с чужим чемоданом

На следующий день я пришёл с тортом.

Это был нелепый круглый торт с розовыми кремовыми цветами и надписью «Поздравляем!». Других в магазине возле дома не оказалось, а идти в гости с пустыми руками мне казалось неприличным.

Анна Сергеевна открыла не сразу.

— Вы кого-то поздравляете? — спросила она, разглядывая коробку.

— Не обращайтесь внимания. Это всё, что осталось.

— Значит, мы будем есть чужой праздник.

Она посторонилась, пропуская меня в квартиру.

— Разувайтесь. Четвёртый стул свободен.

Сегодня электричество было, но люстру она не зажгла. На столе горела лампа под зелёным абажуром, рядом стоял заварочный чайник и две чашки. Похоже, меня ждали.

— Как вы? — спросила Анна Сергеевна.

— Нормально.

— Вы уже начали говорить о браке в прошедшем времени.

— Почему?

— Потому что снова употребили слово «нормально».

Я снял куртку и сел на своё вчерашнее место.

Лена утром прислала сообщение: «Нам нужно несколько дней». Я ответил: «Хорошо». После этого мы оба были в сети, но больше ничего друг другу не написали.

Весь день я пытался работать. Перекладывал документы, отвечал на письма, дважды разговаривал с начальником и не запомнил ни слова. В обед позвонила дочь.

Маша жила в Петербурге, училась в магистратуре и обычно звонила матери. На этот раз позвонила мне.

— Пап, что у вас происходит?

— Ничего особенного.

— Мама у бабушки.

— Она решила немного отдохнуть.

— От чего?

Я чуть не сказал: «От меня», но вовремя остановился.

— Мы разберёмся.

— Только не делайте вид, что всё нормально.

После разговора мне захотелось бросить телефон в стену. В нашей семье вдруг все заговорили одним голосом.

Анна Сергеевна разрежала торт. Надпись «Поздравляем!» разделилась надвое: «Поздрав» досталось ей, «ляем» — мне.

— За что пьём чай? — спросила она.

— За второй вечер.

— Не торопите события. Второй вечер может оказаться хуже первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.